

ART AKTIVIST

Журнал

Спецредакторы

Медиаотека

Сообщество

— Добровольский Вадим

Ревизия Отца в родной Отчизне

Apr 8, 2013 0 966 Edit

Парадоксальным образом в белорусском искусстве нет ничего более патриархального, чем произведения женщин-художниц. Все художники-мужчины и их обнаженные музы не сравнятся по степени патриархальности с простыми и наивными романтическими образами, претензиями на высокую духовность и бегством в «богатый внутренний мир» профанных эмоций, которыми так насыщены произведения художниц. И если первые объективируют женщину как объект желания, то «патриархальные» художницы лишь прочнее закрепляют за гендерным конструктом «женщина» коннотации эмоциональности, иррациональности, пассивности и таким образом фундируют патриархальное положение вещей в белорусской культуре.

© Анна Силивончик / Концерт для виолончели и флейты / 2013

Этот патриархальный китч с его квазигармоничными ролями «мужчина» и «женщина» маскирует собой социальную реальность, основанную на борьбе за власть и угнетении одних другими по различным признакам, в том числе и по половому.

РУБРИКИ

news обзор (6)
активизм, закон, цензура (31)
арт-институции (11)
архитектура, охрана памятников (3)
Без рубрики (1)
белорусский авангард (5)
гендер, феминизм, квир (23)
дискуссии (9)
заслуженный работник культуры (2)
издания (11)
институциональная критика (7)
интервью (46)
итоги (15)
круг интересов (2)
кураторское дело (3)
лекция (7)
манифесты, акты, декларации (7)
материалы па-беларуску (16)
международный опыт (26)
некролог (3)
общество (10)
опрос (5)
перформанс (5)
письмо редактора (3)
портфолио (4)
реакции, наблюдения, тенденции (40)
события, выставки (53)
стрит-арт, публич-арт (10)
текст художника (7)
терминология (7)
фотография (16)
художники (38)
школа критики (3)

Подобный культурный продукт, по идее Антонио Грамши, является идеальным средством навязывания доминирующей идеологии.

Можно констатировать, что знаменитый феминистский тезис «личное есть политическое» не работает в белорусском контексте, уступая более родному и привычному «не выносить сор из избы», то есть скрывать личное, пусть даже конфликтное, от публичного. Поэтому действительно травматичные личные нарративы либо вытесняются потоками эстетизированной пошлости, описанной выше, либо остаются не озвученными. И несмотря на то, что все описанные «патриархальные» художницы в своих интервью или текстах к выставкам не преминут рассказать о том, что их искусство основано на личных переживаниях, не стоит заблуждаться. Это нарративы наивных субъектов патриархальной идеологии, для которых подобное положение милого, но все же второго пола кажется вполне комфортным и гармоничным.

В отличие от этого состоявшаяся в декабре 2012 года персональная выставка Жанны Гладко «Inciting Force» представила личную историю художницы, основанную на гендерном и символическом конфликте с отцом. В рамках выставки были экспонированы ready-mades, созданные из семейных архивов, и объекты, репрезентирующие или символизирующие взаимоотношения протагонистов. Так, в выставочном пространстве появляются детские фотографии, аудио- и видеоматериалы, связывающие художницу и ее отца, а также те символы власти отца, которые были усвоены дочерью с детства: его патронташ, его добыча (убитые лесные звери), его территория и его в конце концов дочь. В результате совокупность символов власти одного по отношению к другому постепенно растворяет историю реальных людей в фоне, и на передний план выходит фигура символического Отца – защитника и добытчика, с одной стороны, и репрессирующей силы – с другой. В этом и проявляется та самая «подстрекающая сила» [1], вынесенная в название выставки: на поверхности гармоничного идеологического конструкта под названием «патриархальная семья» проступают контуры имманентного конфликта.

© Жанна Гладко / Inciting Force / 2012

/ Ниже приводятся критические тексты Ольги Шпараги и Тамары Злобиной, которые были представлены в рамках «Inciting Force». Они задают необходимый дискурсивный фон для интерпретаций данной выставки.

«Inciting Force» Жанны Гладко: между экзистенциализмом и феминизмом

Исследование человеком самого себя едва ли может обойтись без понятия силы. Одно из проявлений силы – мощь происходит от действия, выраженного глаголом «мочь». Именно через этот глагол Мартин Хайдеггер, на которого ссылается в своем тексте к выставке Жанна Гладко, переопределил, практически 100 лет назад, бытие человека.

Это значит, что человек – это не то, что он есть, а тот (та), кем он (она) может стать. Человек – это «могущее бытие» (Sein-können) или «бытие возможностями», и его заброшенность в мир всегда (пусть только потенциально) сопровождается наброском, свободным проектированием этих возможностей. Сила в таком случае есть напряжение между заброшенностью и наброском, способность преобразовывать заброшенность в набросок.

© Жанна Гладко / Inciting Force / 2012

Уже в 1949 году Симона де Бовуар внесла существенную поправку в предложенный проект «бытия возможностей» Хайдеггера. Согласно де Бовуар, переход возможностей из состояния потенции в состояние наброска не протекает у всех людей одинаковым образом. И в частности женщин и мужчин учат совсем по-разному обходиться с силой своего бытия, что в итоге делает мужчину действующим субъектом, а женщину – пассивным и «загадочным» объектом.

В представленных на выставке работах Жанны Гладко мы обнаруживаем, однако, и правоту де Бовуар, и правоту Хайдеггера. Поскольку никакое обучение бытию не имеет линейного характера и скорее удваивается и изгибается в складки.

Девочка Жанна была для своего отца скорее Двойником, чем существом другого пола. Однако быть Двойником другого не означает разделить его пол, гендер и идентичность. Поскольку их формирование не может находится во власти одной-единственной инстанции (Отца в данном случае), а зависит от многочисленных инстанций и практик. И именно в зазоре между этими практиками и рождается каждый из нас – как расколотое бытие, так что раскол позволяет не только не закостеть нашим возможностям (что понравилось бы Хайдеггеру), но и не управлять в полной мере их проектированием (на чем настаивает де Бовуар).

© Жанна Гладко / Inciting Force / 2012

Столкновение друг с другом Жанны-девочки, Жанны-мальчика, Жанны-дочки, Жанны-женщины и Жанны-художницы находит свое выражение в арт-переработке тех символов прошлого, которые «закупоривают» ее в той или иной идентичности. Художница перешивает и штопает адресованную ей речь отца и одновременно стремится создать образ себя, который бы соответствовал его ожиданиям.

Она опустошает отцовский патронташ, чтобы затем использовать его в качестве своего оружия, облачается в одежду отца, чтобы разоблачить в себе «женщину», которую в ней отец не хотел признавать. Художница одновременно оказывается во власти сил и управляет ими, так что ее идентичность размывается и уточняется одновременно.

Однако уходит ли она при этом от «бытия женщины»? Или придает ему своими экспериментами новое измерение: облачая «женственность» в одежды Власти-Отца и, наоборот, обнажаясь под прикрытием «мужественности»? Возможно ли посредством такого эксперимента обхитрить те социальные, культурные и политические предписания и практики, которые делают нас такими, а не другими? Или же задача в другом – в том, чтобы пуститься в бесконечное приключение собственного бытия, не забывая о его конкретности, отталкиваясь от которой только и возможно «спровоцировать силу», источником которой в нас чаще всего является Другой, целью же можем стать новые мы сами.

Ольга Шпарага,

философ

Отстройка века

В историю мирового искусства большинство известных художниц входили благодаря содействию отцов. Яркий пример – Роза Бонёр, художница-анималистка XIX века. Ее отец, тоже художник, не только стал учителем для девочки, но и, будучи социалистом и сторонником равенства полов, всячески поддерживал дочь в выборе нетрадиционного для женщины ее времени жизненного пути. «Несуществующая» мать в таких биографиях всегда говорит о дискриминации женщин в культуре.

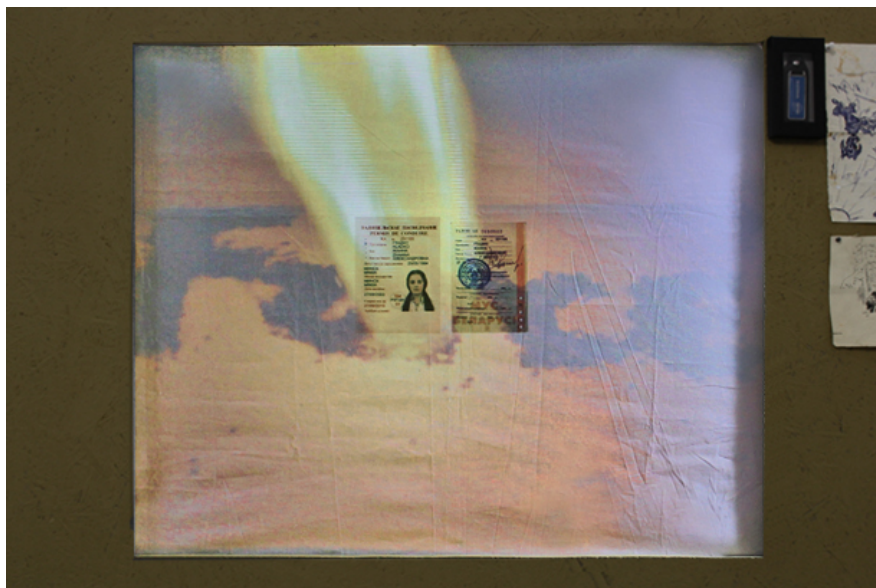
© Жанна Гладко / Inciting Force / 2012

В патриархальном обществе, где за мужчиной зарезервировано Публичное и Профессиональное, а за женщиной – Приватное и Семейное, социализация девушки, которая намеревается стать в первую очередь *профессионалкой* [2] в каком-либо деле, а не женой и матерью, будет происходить через идентификацию с отцом. Этот процесс неизбежно конфликтен – девушке не стать мужчиной. Захватив маскулинную субъектную позицию, ей придется делать реверансы в сторону традиционной женственности. Так, Бонёр, получив специальное разрешение городских властей ходить в мужском платье (в кринолинах на бойни и скотные дворы не попрешь), показывала журналистам шкаф с модными нарядами. Так женщины-политики или предприниматели рассказывают в интервью не о своих убеждениях и действиях, а о том, как им удастся соединить карьеру и семью (мужчинам подобные вопросы никогда не задают). Так на выставке Жанны из мужского свитера прорастает оглауренная голова с роскошным изгибом брови и буйными волосами, чем-то неуловимо ядовитым напоминающая бледную поганку. Мне здесь сложно с русским языком – на украинском я бы сказала «отруєним і отруйним» – чем-то, что было отравленным и впоследствии стало ядовитым само.

Эта отравленность-ядовитость отвечает современному гендерному порядку, который выдвигает жесткие требования к мужчинам и женщинам. Впитывая их с детства, мы становимся отравленными. Не сопротивляясь гендерной нормативности, мы подтверждаем и воспроизводим ее – отравляем. Проект Жанны в этом контексте – выведенная на уровень абстракции повесть об опыте отстройки личности в постоянном соприкосновении с любимыми, но отравленными-и-ядовитыми сущностями.

«Процесс формирования личности» в нашем обществе видится как слияние с доминантными структурами – семьей, трудовым коллективом, нацией. Он будет считаться успешным, только если человек выполняет строгий «запрос на конформизм» – делай то и это. Именно глаголы затирает в своих работах Жанна. В нормативном контексте любые указания превращаются из доброжелательного учения в невыносимые тяжести, которые впечатываются в тело независимо от того, идет человек на поводу или

сопротивляется. Особенно болезненно это происходит в семье, где всегда есть амбивалентность бунта и любви, личных воспоминаний о моментах разделенного наслаждения (от прогулки, вождения, рыбалки), которые в то же время являются воспоминаниями о давлении.

© Жанна Гладко / Inciting Force / 2012

В этом запутанном, неоднозначном процессе важен момент остановки, паузы – для извлечения личности из семейного узла и путешествия в абстрактные, исследовательские сферы, из которых можно посмотреть на прошлое как на шахматное поле с множеством фигур и факторов и заново отстроить себя и отношения с близкими людьми. Уничтожение, деформация вещей из семейного архива (карты, патроны) действует как разрушение заданных границ личности (но не прошлого как такового), а их художественная сакрализация – как поиск нового места для отношений с близким человеком, которое способно задать другой формат этим отношениям.

Возвращаясь к теоретическим обобщениям: личный опыт, который демонстрирует Жанна, говорит нам о репрессивных структурах и логике взаимодействия общества, которое калечит в процессе социализации, вынуждает сопротивляться и отстраиваться тех, кому посчастливилось найти время и ресурсы для этого.

Тамара Злобина,

квир-социалистка и феминистка, соредатор журнала социальной критики «Общее»

[1] англ. 'Inciting force' – подстрекающая сила, то, что создает конфликт в повествовании

[2] см. текст Тамары Злобиной «Феминизм во плоти»

/ все фотографии с выставки Inciting Force

Читать по теме:
